

УДК 378

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

(Рец. на учеб. пособие: *Минаков А. Ю. История русского консерватизма XIX–XXI вв. : учебное пособие / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 154 с.*)

А. В. Фененко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 13 сентября 2021 г.

Аннотация: анализируется учебное пособие А. Ю. Минакова, посвященное истории русского консерватизма в период с XIX по XXI век. Автор убедительно показывает судьбу русского консерватизма, его эволюцию на протяжении двух столетий, значение для современной ситуации в России. Пособие будет востребовано в образовательном процессе высшей школы при подготовке историков, политологов, социологов.

Ключевые слова: консерватизм, русский консерватизм, история, историография.

Abstract: the author analyzes the textbook by A. Y. Minakov, devoted to the history of Russian conservatism in the period from the XIX to the XXI century. The author convincingly shows the fate of Russian conservatism, its evolution over two centuries, and its significance for the current situation in Russia. The textbook will be in demand in the educational process of higher education in the preparation of historians, political scientists, sociologists.

Key words: conservatism, Russian conservatism, history, historiography.

Учебное пособие доктора исторических наук А. Ю. Минакова «История русского консерватизма XIX–XXI вв.» заслуживает внимания читателей по двум, как минимум, причинам. Первая заключается в попытке автора выделить непрерывную линию развития русского консерватизма на протяжении минувших двухсот лет. Вторая – в стремлении подключить к истории отечественной консервативной мысли советский период. До недавнего времени в российской историографии преобладала точка зрения, согласно которой история консервативной мысли в нашей стране прервалась с Октябрьской революцией 1917 года. А. Ю. Минаков порывает с этим подходом, доказывая, что консервативная традиция и консервативная мысль продолжали развиваться в нашей стране даже в период господства сначала радикально-левой, а затем и просто левой идеологии.

По жанру книга А. Ю. Минакова – тематическое учебное пособие, разделенное на тринадцать разделов. Каждый из них фиксирует определенный этап в эволюции русской консервативной мысли: «Русский консерватизм в первой четверти XIX века», «Славянофильство», «Русский консерватизм в царствование Николая II» и др. Русская

консервативная мысль предстает как определенная идеология (или даже общественно-политическое явление), которая, как показал А. Ю. Минаков, прошла определенную эволюцию «от чего-то – через что-то – к чему-то». Далее следует блок, посвященный советскому периоду в истории консерватизма: «Русские консерваторы в эмиграции», «Национал-большевизм как форма псевдоконсерватизма», «Легальная “русская партия” 1960–80-х гг.» и т.д. При этом, как следует из финального раздела «Консерватизм в современной России», эта эволюция еще не закончена. «Строить прогнозы относительно роли современных русских консерваторов в текущих политических процессах пока еще преждевременно», – указывает автор в конце работы. По этому пособию можно построить качественный учебный курс по истории консерватизма для историков, политологов и социологов.

Подробное знакомство с книгой убеждает, что А. Ю. Минаков далеко отошел от жанра научного справочника и тем более пособия. Он не просто выделяет периоды в развитии русской консервативной мысли, но также пытается показать их взаимосвязь и преемственность. Центральную мысль своей работы он оставляет напоследок: «Со времени радикально-западнических реформ

© Фененко А. В., 2021

Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно-ориентированные верхи часто ограничивали и сводили на нет творческий потенциал консерваторов. Они оказывали лишь эпизодическое, «точечное» воздействие на государственную власть, его ни в коем случае не стоит преувеличивать. Системного, постоянного влияния в отличие от западноевропейских консерваторов в России не было» (с. 111–112). Иначе говоря, консерватизм в России, как доказывает А. Ю. Минаков, еще никогда не был государственной идеологией: консервативный проект – это пока только задел на будущее, представление о будущей России.

Следуя традиции, заложенной немецким социологом Карлом Манхеймом, автор утверждает, что консерватизм как идеология возник на рубеже XVIII–XIX вв., т.е. в период Великой Французской революции. «Консерватизм появился как реакция на революционные потрясения во Франции начиная с 1789 г., на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса и связанные с ней политические технологии, которые нашли яркое и глобальное воплощение в практике Великой Французской революции», – указывает А. Ю. Минаков (с. 4). Сразу отмечу: в исторической науке существует и другая точка зрения, согласно которой идеологии либерализма и консерватизма берут свое начало в Английской революции середины XVII в., однако она не прижилась в исторической науке. Явление, которое в советской историографии называлось «Английской буржуазной революцией», было прежде всего выступлением радикальных протестантских течений, связанных с проходившей в тот период в Европе Тридцатилетней войной (1618–1648 гг.). Полноценные идеологии модерна сформировались только после эпохи Просвещения XVIII в. и реализации его принципов в ходе Великой Французской революции и вызванной фактически ею мировой войны того времени («Второй тридцатилетней», 1789–1815 гг.).

Здесь А. Ю. Минаков подошел к одному из наиболее интересных вопросов исторической науки: в каком «молодом» (по меркам человеческой истории) мире мы на самом деле живем. «Английская революция» протекала еще в рамках религиозной борьбы католиков с протестантами, радикальных и умеренных протестантов. Только в ходе Великой Французской революции произошло формирование существующих светских идеологий: либерализма, консерватизма, позднее социализма. Консерватизм, как отмечает автор, защищал традицию, но сам принадлежал уже к идеологиям светского мира, где утвердилась новая мораль:

«религия вне политики». Нашему идеологическому спектру всего двести лет: предшествующие 4800 лет известной событийной истории, строго говоря, «не наши» – они принадлежат к иным цивилизациям.

Этот вывод подтверждают и черты консервативной идеологии, выделенные А. Ю. Минаковым, которая «представляет собой идеологию и стиль мышления, опирающиеся на христианские нравственные ценности и позитивные национальные традиции» (с. 4). «Для консерватизма, – пишет далее автор, – были характерны культ сильного государства, приоритет его над интересами индивида, поскольку человек нуждается во имя собственного же блага в твердой руководящей руке» (с. 5). Но сами сильные национальные государства сложились в Европе только в середине XVII в. – по итогам Тридцатилетней войны. Некоторые авторы вслед за британским международником Полом Кеннеди «удревляют» этот процесс, датируя его рубежом XV–XVI вв. Но и в этом случае хронология составляет всего 200–300 лет до появления консерватизма и либерализма. Консерваторы, как показывает А. Ю. Минаков, приняли идею сильного государства с опорой на традиции народа, а не звали вернуться в мир домодернистских феодальных империй. *Иначе говоря, консерватизм – это не идеология возвращения общества к эпохе домодерна, а идеология развития общества модерна, ответ на вызовы эпохи национальных государств.*

Автор сразу выделяет специфику русского консерватизма по сравнению с западноевропейским. Он пишет: «В силу исторических особенностей русские традиционалисты и консерваторы первоначально реагировали не столько на эксцессы Французской революции (в российском консервативном дискурсе ламениации по поводу кровавого террора и разрушения тронов и алтарей занимают сравнительно немного места), сколько на реформы Петра Великого и вызванные ими модернизационные процессы» (с. 7). В этом случае следует признать, что российская консервативная мысль имеет более глубокую историческую традицию, чем западноевропейская. «Отцы-основатели русского консерватизма за редким исключением были талантливыми литераторами: Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов (мало кто знает о его борьбе против галломании) и др.», – подчеркивает автор пособия. Обратим внимание: первые два начали свой творческий путь еще при Екатерине II (1762–1796), т.е. до Французской революции.

А. Ю. Минаков пока не выделяет периоды в развитии русского консерватизма. Видимо, это тема его будущих работ. Однако на страницах кни-

ги прослеживаются четыре волны (точнее, всплеска) консервативной мысли.

Первая – реакция на либеральные и отчасти космополитические реформы императора Александра I (1801–1825). «Русский консерватизм, изначально имевший антизападническую, галлофобскую направленность, оказался максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального течения он превратился в стрелковое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для александровского либерализма» (с. 15). После окончания Наполеоновских войн большую роль стала играть и так называемая православная оппозиция: архимандрит Юрьев Новгородского монастыря Фотий (Спасский), епископ Иннокентий (Смирнов), митрополит Серафим (Глаголевский). Ее борьба была направлена прежде всего против «официальной конфессиональной политики, базировавшейся на идеях западноевропейского мистицизма и масонства» (с. 17). Поддержку этой партии оказывали А. С. Шишков, М. Л. Магницкий и А. А. Аракчеев.

«Консервативная партия» добилась в этот период, как показал А. Ю. Минаков, значимых результатов. Еще накануне Отечественной войны 1812 г. ей удалось ослабить влияние «профранцузской» партии, выступавшей в условиях того времени «пятой колонной» Французской империи. Консерваторы через публикацию «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина создали версию русской истории, которая легла в основу национальной исторической науки (а, следовательно, и идентичности) Российской империи. Консерваторы «остановили реализацию масштабного проекта реформации церкви, вынашиваемого Александром I и его ближайшим сотрудником министром духовных дел и народного просвещения А. М. Голицыным, который предусматривал распространение некоего экуменистического варианта христианства...» (с. 17). Именно консерваторы во многом стояли у истоков решения крестьянского вопроса, включая разработку проектов отмены крепостного права.

Автор предлагает пересмотреть ряд стереотипов марксистской историографии в отношении царствования Николая I (1825–1855), которое опиралось на идейные наработки консерваторов предшествующей александровской эпохи. В рамках официальной консервативной идеологии царствования Николая I министром народного просвещения С. С. Уваровым была провозглашена триада «Православие. Самодержавие. Народность». Именно в это время произошел процесс

«национализации» культуры – массовый переход элиты с французского языка на русский, таким образом «завершилась эпоха ученичества и подражательства, а русские наука и культура начинали приносить зрелые плоды» (с. 19). А. Ю. Минаков смело указывает, что «умственные плотины», воздвигнутые С. С. Уваровым, обеспечили России стабильность от проникновения радикально-революционных идей из Западной Европы в период революции 1848 г.

Здесь А. Ю. Минаков обращает внимание на одну интересную концепцию, принадлежащую поэту и дипломату Ф. И. Тютчеву (1803–1873). Последний утверждал, что в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. «Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой», – писал он. В контексте установленного с 1815 г. Венского порядка это означало противостояние России с революционной (т.е. ревизионистской) Францией и революционным радикализмом Западной (Рейнской) Германии. А. Ю. Минаков отмечает удивительное сходство взглядов Ф. И. Тютчева с оценками европейской ситуации К. Марксом и Ф. Энгельсом. «Ф. И. Тютчев, как и классики марксизма, явно недооценил опасность революции для России, равно как и переоценил степень ее контрреволюционности», – подчеркивает автор (с. 22). Добавлю от себя, что якобы консервативная Великобритания охотно объединилась с революционной Францией в ходе Крымской войны против России: национальные интересы оказались для всех сторон выше идеологических, что соответствует европейской цивилизации Нового времени.

Вторая волна русского консерватизма прошла под знаком славянофильского течения. «Они были несомненными консерваторами, поскольку обращение к традициям русского народа являлось определяющей установкой в их идейных поисках», – подчеркивает А. Ю. Минаков (с. 24). Славянофилы при этом отнюдь не были панславянистами, т.е. сторонниками объединения всех славян в единое государство. (Эта идея, зародившаяся в Австрийской империи 1820-х гг., была изначально чужда русской мысли). В фокусе их внимания были проблемы русской цивилизации, ее отличие от Западной, а также проблематика наследия византийского православия. А. Ю. Минаков отмечает, что славянофилы стремились максимально актуализировать традиции византийского христианства, при этом критически относясь к синодальной системе, созданной Петром I и Феофаном Прокоповичем по шведскому образцу. В политике славянофилы выступали за народ-

ную монархию, основанную на широком местном самоуправлении и наличии законосовещательного Земского собора. Славянофильская традиция противопоставляла народную монархию бюрократической, что косвенно придавало славянофильской мысли антигерманский характер ввиду опоры Николая I на остзейских немцев при выстраивании бюрократической системы Российской империи.

Во второй половине XIX в. славянофильское течение распалось на несколько направлений. В нем четко обозначились теории:

– особого пути русской государственности (М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров), имевшего мощную поддержку в русской литературе в виде жанра «антинигилистического» романа;

– существования особой русской цивилизации, отличной от Западноевропейской (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев);

– православной культурной традиции, нашедшей позднее воплощение в русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв.

Здесь А. Ю. Минаков подошел к интересной теме: взаимосвязи русского консерватизма с консерватизмом других стран. Цивилизационный подход Н. Я. Данилевского был развит такими видными западноевропейскими историками и социологами, как О. Шпенглер, М. Вебер, А. Тойнби, С. Хантингтон (с. 31). Большинство из этих авторов придерживались консервативных взглядов, а О. Шпенглер даже отделял Германию от остального «Запада» как особую культуру. (То есть фактически повторял путь русских славянофилов). Напрашивается тема о диалоге русской и немецкой консервативной мысли, которые традиционно гармонично взаимодополняли друг друга. Однако, возможно, что имена А. Тойнби и С. Хантингтона показывают нам новую грань проблемы: влияние русской консервативной мысли на британскую консервативную традицию. Работ об этом пока практически нет, а тема вырисовывается буквально на глазах! Как знать, не увидит ли свое спасение современный британский консерватизм в видоизмененных идеях Н. Я. Данилевского и Ф. И. Тютчева, особенно в контексте выхода Британии из ЕС.

Другая проблема, которую выделяет автор, – это влияние русского консерватизма на два последних царствования: Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917). А. Ю. Минаков отмечает, что «при Александре III консерваторы сформулировали программу экономической модернизации» (с. 38). Вместе с тем, не стоит забывать указания автора, что консерватизм никогда не был правящей идеологией Российской империи – в ней со

времен Петра I было сильно западничество начало. «Роковая особенность дореволюционного русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации, готовой взять власть в свои руки», – подчеркивает автор (с. 43). Почему русские консерваторы не сумели создать своей партии (или союза партий) – полагаю, тема будущей интересной работы А. Ю. Минакова.

Третья волна консерватизма связана с русской эмиграцией, в которой были вынуждены оказаться большинство русских консервативных мыслителей. По их мнению, историческая Россия после 1917 г. прекратила свое существование, а новое государство СССР было построено на радикально левых космополитических ценностях, враждебных русскому народу. Проявлением этой враждебности стали не только массовые репрессии и борьба до середины 1930-х гг. большевиков с русской культурой, но прежде всего – развитие принципа национального самоопределения, дробящего историческую организацию Российского государства. Впервые со времен Рюриковичей центр русской государственности (паттерн России, по терминологии немецкого геополитика К. Хаусхоффера) был подвергнут радикальной трансформации посредством выделения национальных АССР. Ведущими теоретиками русского консерватизма оказались Н. А. Бердяев (вставший в эмиграции на консервативные позиции до середины 1930-х гг.), И. А. Ильин и И. Л. Солоневич. К консервативному лагерю А. Ю. Минаков относит и евразийство – концепцию, постулирующую наличие особой русской цивилизации как мира Евразии, включая Монгольскую империю XIII в. как пример первой евразийской державы. В дальнейшем евразийство распалось на правое и левое: если первое видело центр Русской цивилизации в православии, то второе было готово пойти на соглашение с СССР.

Однако монархическое движение оказалось довольно слабым. А. Ю. Минаков также указывает, что «основные антикоммунистические “игроки” – западные демократии и германские нацисты – не собирались восстанавливать в России монархию» (с. 47). Здесь напрашивается интересный раздел об отношении русских консерваторов в эмиграции к немецкому национал-социализму. Вместе с тем, консервативные мыслители этого периода создали, как показывает автор, оригинальные политические теории, которые оказались востребованными в России только в начале нынешнего века (например, наследие И. А. Ильина). Русское консервативное движение в эмиграции,

возможно, было не ностальгией интеллектуалов, а проработкой идеи для развития России уже в новых конкретно-исторических условиях. Достаточно вспомнить его предупреждение, что, если Россия после падения коммунизма не найдет в себе сил для справедливости и сверхклассового объединения, она «перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости» (с. 61).

Четвертая волна зародилась в позднем СССР приблизительно в 1960-х гг. А. Ю. Минаков указывает, что еще примерно с 1934 г. в советской системе «обозначился некоторый консервативный поворот: отказ от наиболее одиозных проявлений левого интернационализма на фоне возрождения патриотизма и интереса к национальной истории в рамках концепции “советского патриотизма”» (с. 67). В дальнейшем в его русле сформировалось некое подобие легальной русской партии: сторонников взгляда на СССР как на государство-продолжателя исторической России. В дальнейшем эта «Русская партия» раскололась на два крыла: легальное и нелегальное. Первое было представлено своеобразным крылом национал-большевизма (В. Н. Ганичев, В. В. Кожин, Д. А. Жуков, С. Н. Семанов), второе – созданным в 1964 г. подпольным Всероссийским Социал-Христианским Союзом Освобождения Народа (ВХСОН). И хотя последний был разгромлен уже в 1967 г., такая среда выдвинула двух оригинальных консервативных мыслителей: А. И. Солженицына и И. Р. Шафаревича.

Автор пособия выделяет три важных компонента в их творчестве, отличавших консерваторов новой волны от их предшественников. Первый – повышенное внимание к проблематике русского народа в условиях нараставшего сепаратизма союзных республик и неблагоприятных демографических процессов. Второй – внимание к проблеме крестьянства и фактической ликвидации русской деревни в ее традиционном качестве в период коллективизации. Третий – вопрос о либеральной советской полуинтеллигенции, которую и А. И. Солженицын, и И. Р. Шафаревич рассматривали через термин «малый народ». Этот слой (и здесь оба автора были солидарны) выступает «подлинным наследником революционной интеллигенции, стремящейся к интернационализму и

космополитизму, несущей полноту ответственности за катастрофу 1917 г.» (с. 87). Одновременно И. Р. Шафаревич поставил вопрос не только о тупиковости пути социализма (по его мнению, в основе социализма лежит инстинкт человечества к смерти), но также и нерешенности национального вопроса в СССР. Оба этих автора, как подчеркивает А. Ю. Минаков, не были адептами современного Запада, а выступали его критиками, видя в самом пути его развития истоки наступающего кризиса – более масштабного, чем события 1917 г.

Эти проблемы, намеченные А. И. Солженицыным и И. Р. Шафаревичем, во многом определяют современную повестку российской политики. На этом можно было бы поставить точку, но А. Ю. Минаков идет дальше. Последняя глава «Консерватизм в современной России» показывает эволюцию русского консервативного движения в последние тридцать лет. Автор намечает путь его развития: попытку создания коалиции национал-большевиков и консерваторов-традиционалистов после 1991 г., подъем церковного консерватизма, попытки легализации русского консервативного движения в форме различных партий. По итогам этой главы можно констатировать двойственное положение в русском консервативном движении к 2021 г. Оно, безусловно, сумело возродиться и стало занимать серьезную интеллектуальную нишу в современной России, но оформиться в единое политическое движение как влиятельную силу пока не смогло. Итоги выборов в Государственную думу в сентябре 2021 г. только подтвердили этот тезис.

Закрывая книгу А. Ю. Минакова, могу заметить, что она сама в значительной степени вписывается в логику развития русской консервативной мысли. Возможно, наступает потребность в систематизации русского консерватизма, написании его целостной и непрерывной истории. Налицо парадокс: консервативная мысль в современной России есть, а ее истории как целостного проекта, прошедшего свой двухсотлетний путь, пока нет. А. Ю. Минаков сделал первые шаги в направлении к реализации этой задачи. Если ему удастся осуществить свой замысел, русский консерватизм обретет свою историю. Что само по себе немало важно для его консолидации в полноценную политическую силу.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Фененко А. В. – доктор политических наук, доцент, доцент факультета мировой политики
E-mail: afenenko@gmail.com*

Moscow State University Named After M. V. Lomonosov

Fenenko A. V. – Dr. Habil. in Political Studies, Associate Professor, Associate Professor of The School of World Politics

E-mail: afenenko@gmail.com